

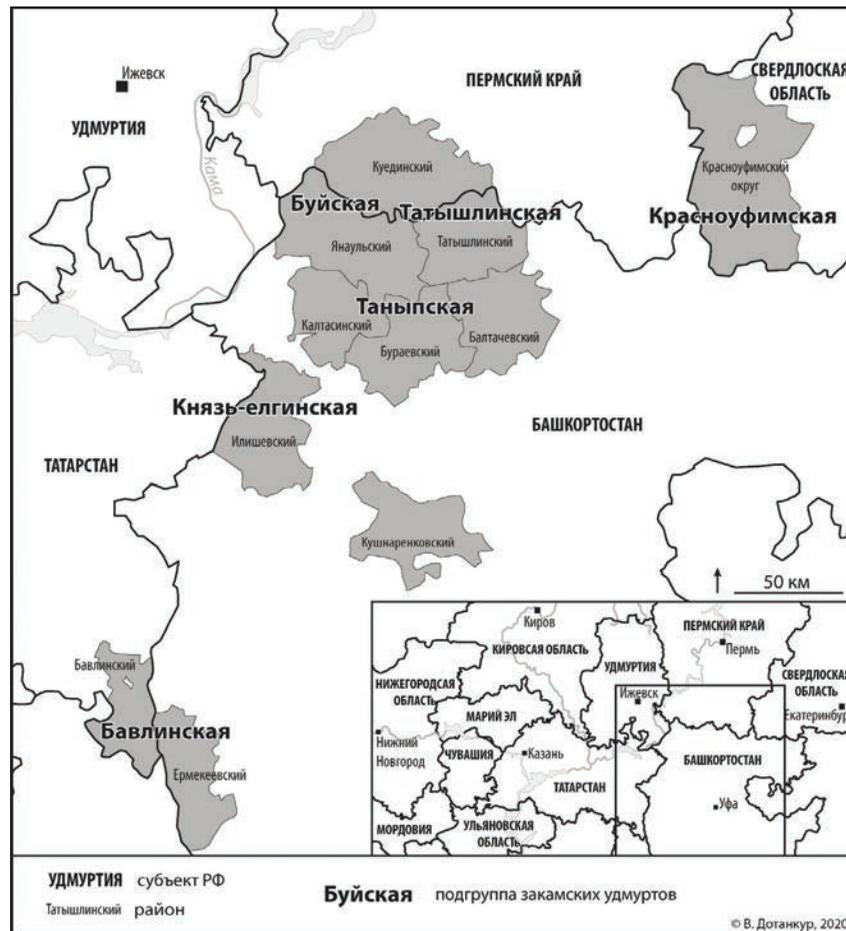
ПРЕДИСЛОВИЕ

Закамские удмурты – этнографическая группа удмуртов, получившая свое название относительно своего географического расположения по отношению к Удмуртии как проживающие за р. Камой – это Балтачевский, Бураевский, Илишевский, Калтасинский, Кушнаренковский, Татышлинский, Янаульский районы Республики Башкортостан (далее – РБ) и Куединский район Пермского края (далее – ПК). К закамской группе удмуртов относят также подгруппы бавлинских (Бавлинский район Республики Татарстан (далее – РТ) и Ермакеевский район РБ) и красноуфимских (Свердловская область) удмуртов [Насибуллин 1972; Миннияхметова 2000, 2003; Садиков 2001, 2008, 2019]. Однако некоторые исследования этнографического и лингвистического характера выделяют бавлинских удмуртов в отдельную, отличную от закамских удмуртов, группу [Тараканов 1958; Косарева 2000: 162–163; Атаманов 2004; Атаманов 2005: 113; Кельмаков 2006: 42]. Отметим, что ранее вопрос о включении бавлинских удмуртов к закамской группе неоднократно вызывал дискуссии в связи с наличием отличительных исторических, культурных и социальных особенностей этой группы.

Закамская группа удмуртов формировалась в результате переселенческого движения удмуртов на башкирские земли в XVI–XVIII вв., проходящего в три этапа по разным причинам: первый этап начался в XVI веке вскоре после падения Казанского ханства и последующих событий; второй этап, связанный с введением подушной подати, пришелся на начало XVIII века; третий этап, начавшийся с середины XVIII века, был отмечен насильственной христианизацией нерусского населения [Луппов 1901: 214–215; Атаманов 2005: 116–119; Никитина 2016: 42].

Этнографическая группа закамских удмуртов обладает относительной общностью традиционной материальной и духовной культуры. По сведениям этнографа Р.Р. Садикова, «несмотря на общность исторического происхождения, культуры и языка, среди них выделяются несколько локальных подгрупп, которым свойственны определенные этнокультурные и лингвистические особенности, которые проявляются также в религиозной сфере» [Садиков 2019: 8]. В языковом плане закамские удмурты говорят на периферийно-южном диалекте южноудмуртского наречия удмуртского языка [Максимов 2009: 45–46]. Лингвист Р.Ш. Насибуллин на основе диалектологических данных предложил разделение на 5 подгрупп, для каждой из которых характерен свой, особенный, говор: *татышлинскую, шагиртскую, буйско-таныпскую, ташкичинскую, канлинскую* [Насибуллин 1972: 2–3]. В дальнейшем Р.Р. Садиков, опираясь на разработку Р.Ш. Насибуллина, с некоторыми добавлениями и уточнениями, предложил свою классификацию. Основываясь на языковые особенности, историческое формирование, этнографические материалы (особенности костюмного комплекса, религиозные традиции и т.д.) закамской группы удмуртов, исследователь выделил 9 подгрупп: *таныпскую, ташкичинскую, канлинскую, буйскую, шагиртскую, татышлинскую, бавлинскую, красноуфимскую, князь-елгинскую* (карта 1).

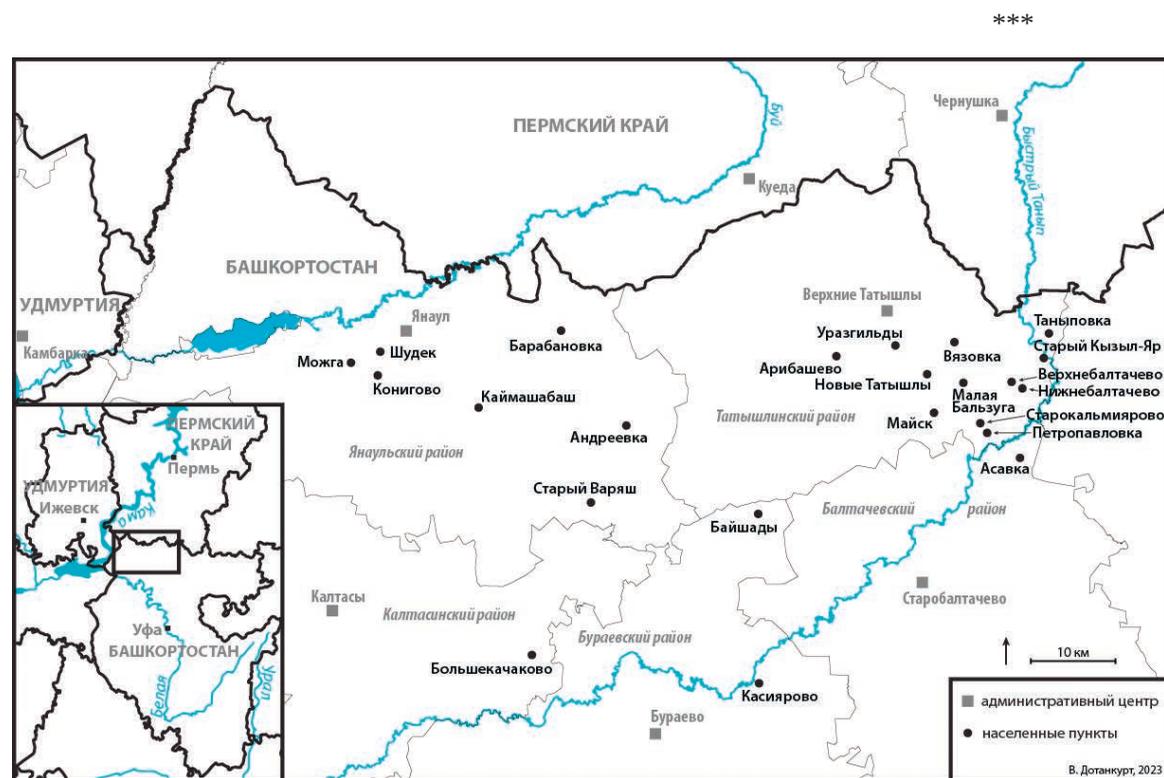
Согласно сведениям Р.Р. Садикова, в образовании различных подгрупп закамских удмуртов «приняли участие южноудмуртские группы, в частности, завятские (арские), а также удмурты-калмезы центральных районов современной

Карта 1. Карта с указанием территории расселения этнографических подгрупп закамских удмуртов по классификации Садикова Р.Р. Автор Винсент Дотанкурт, 2020 г.

Удмуртии. Очень незначительную и трудно фиксируемую долю составили северные удмурты – ватка. По некоторым данным в состав закамских удмуртов как небольшой компонент вошли также бесермяне» [Садиков 2019: 17]. По данным лингвиста М.Г. Атаманова, занимающегося исследованиями по удмуртской ономастике, в формировании закамских удмуртов участвовали 30 воршудно-родовых групп, при этом 23 из них внесли свой вклад в формирование *буйско-таныпской группы* (сюда же ученый относит *шагиртских* и *канлинских удмуртов*), а 16 – в *татышлинской*. Интересно отметить, что 8 воршудов (*Какся, Чабъя, Чудья, Поска, Бөдья, Зятча, Пельга, Можга*) принимали участие в складывании обеих подгрупп закамских удмуртов, в то время как остальные 22 (*Жикъя, Эгра, Конья, Имъёс, Мөнья, Зумъя, Сьолта, Дөкъя, Бигра, Сюра, Уча, Чола, Дурга, Санья, Юсь, Поколь-Дукъя, Юбера, Чудна, Көтъя, Тукля, Паляка и Вамъя*) встречаются либо только среди буйско-таныпских, либо только среди татышлинских удмуртов. Вероятно, именно это, а также другие факторы, повлиявшие на формирование закамских удмуртов, стали причиной обособления буйско-таныпских удмуртов от татышлинских, считавших последних удмуртами «другого корня, племени» – «*соос мукет дйнысь*». Ученый отмечает, что «между этими группами было определенное отчуждение: общественные моления проводились отдельно, брачно-родственные связи были исключительно редки. На знаменитом общеплеменном молении буйско-таныпских удмуртов – *Эленвось* татышлинская группа не участвовала, а на общественных молениях татышлинской группы *Мөрөнвось, Дэменвось* буйско-таныпские удмурты не принимали участия. Были значительные различия в языке, национальной одежде, воршудно-родовой системе» [Атаманов 2005: 114].

Таким образом, как показывают материалы по истории и этногенезу, этнографическая группа закамских удмуртов представляет собой население, мигрировавшее с основной исторической родины (из разных локальных традиций) на территории современной РБ, ПК и Свердловского края, ранее незаселенные удмуртами.

Карта 2. Карта удмуртских населенных пунктов, на которой отмечены места сбора и записи песенных образцов, представленных в данном издании. Автор Винсент Дотанкурт, 2023 г.

Данное издание, являющееся продолжением серии книг «Удмуртский фольклор», призвано, по возможности, объединить образцы песенной традиции, дать общую характеристику музыкально-песенного фольклора закамской диаспоры. Как все предыдущие сборники серии, он структурирован по локально-жанровому принципу. Основным источником послужили экспедиционные записи, выполненные в период с 2016 по 2023 гг. в Балтачевском, Бураевском, Калтасинском, Татышлинском, Янаульском районах РБ в рамках французского гранта (IUF) «*Étude interdisciplinaire d'une minorité animiste en Russie d'Europe, les Oudmourtes orientaux: rituels, coutumes, engagement communautaire aujourd'hui (2018–2022)*» («Междисциплинарное исследование анимистического меньшинства России: ритуалы, обычаи и консолидация сообщества закамских удмуртов сегодня») (рук. проф. Ева Тулуз). Его участниками, в большинстве случаев фольклористом Н.В. Анисимовым и отчасти этномузыковедом Е.А. Софроновой, записаны песенные образцы и наигрыши на тальянке и гармошке в 18 удмуртских деревнях Башкортостана (д. Андреевка, сс. Барабановка, Каймашабаш, Старый Варяш, Шудек Янаульского района, дд. Верхнебалтачево, Малая Бальзуга, Петропавловка, Старый Кызыл-Яр, сс. Арибашево, Вязовка, Старокальмиярово, Нижнебалтачево, Новые Татышлы, Уразгильды Татышлинского района, д. Асавка Балтачевского района, д. Касиярово Бураевского района, с. Большекачаково Калтасинского района) как в ансамблевом, дуэтном, так и сольном исполнении. В жанровом отношении это преимущественно гостевые (в различных терминологических обозначениях), заимствованные как в ори-

гинале (татарский, русский), так и переводе на удмуртский язык, свадебные, похоронные, рекрутские, несколько образцов календарных напевов (*буззынал күй/гүй; верва/верба кисьтыр/верва кисьтык/вервасьтык/вервачык/буззыннал башлан күй; ошорок такмакъёс/күй; вöй күй; гондыр эктытон*). Также зафиксированы трудовые (*пур келян күй – напев сплава бревен, кизён дыръя гүй – напев*, исполняемый] во время посева) и песни необрядового пласта (лирические, именные, игровые, шуточные, частушки-*такмаки*), которые не вошли в настоящий сборник.

Дополнительной ценной источниковой базой послужили архивные записи Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (далее УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) за 1977, 1982, 1990, 1991 гг., собранные сотрудниками Удмуртского института (Т.Г. Перевозчиковой (Владыкиной), И.М. Нуриевой) и преподавателями Удмуртского государственного университета (В.Е. Владыкиным) в Татышлинском (сс. Верхнебалтачево, Старокальмиярово, дд. Майск, Таныповка), Янаульском (дд. Можга, Конигово, с. Шудек) и Бураевском (д. Байшады) районах РБ. Эти экспедиционные материалы также показывают доминирующее положение у закамских удмуртов гостевых напевов. Помимо них записаны рекрутские, свадебные и похоронные напевы, составляющие ядро семейно-родовых обрядов. Календарные напевы представлены в небольших количествах (*быдзыннал күй/гүй, ошорок гүй*). Несколько песенных образцов Янаульского района (с. Шудек) РБ из своих экспедиционных коллекций за 2005 г. любезно предоставил этнограф Р.Р. Садилов, главный научный сотрудник, заведующий отделом этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН¹.

В целом в сборник вошли песенные материалы 23 удмуртских населенных пунктов, охватывающих междуречье Буя и Быстрого Таныпа (карта 2). Выбор данного ареала обусловлен тем, что именно в этих районах компактно проживают группы закамских удмуртов, представляя ядро этнографической, диалектологической и песенной традиций диаспоры. Этот факт подтверждается исследованиями М.Г. Атаманова, выделяющего два крупных подразделения закамских удмуртов – *буйско-таныпскую* (включающую в том числе *шагиртскую* и *канлинскую*) и *татышлинскую* [Атаманов 2005: 115]. Территория проживания этих групп совпадает с областью, охваченной нашими материалами².

Записи песен проводились во время встречи с фольклорными коллективами и отдельными искусными исполнителями. Информантами стали в основном женщины в возрасте от пятидесяти лет и старше, которые знают песенный фольклор и обладают вокальным мастерством. Необходимо отметить значимую роль фольклорных коллективов в сохранении традиционных локальных напевов, особенно тех, которые уже не функционируют в празднично-обрядовой культуре закамских удмуртов.

¹ Не менее ценную источниковую базу представляют фольклорные и диалектологические экспедиции факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета (ныне Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета). В разные годы (1990, 1992, 1993, 2002, 2007, 2008 гг.) студенты под руководством преподавателей занимались сбором и фиксацией образцов речи, фольклорно-этнографических нарративов и песен в ареале проживания закамских удмуртов (Янаульский, Калтасинский, Татышлинский, Еремеевский районы РБ). Эти материалы еще требуют своего детального анализа и изучения. Список современных собирателей песенно-инструментальной традиции закамских удмуртов можно дополнить такими фамилиями как А.Н. Прокопьев (удмуртский этнограф, этнохореолог), Миклош Деметер (венгерский музыкант, мастер-изготовитель традиционных инструментов). В 2017 г. удмуртские деревни Татышлинского района посетили студенты Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова под руководством Л.Р. Хафизовой, а в 2019 г. в этом же районе Башкирии работали преподаватели и студенты Петрозаводской государственной консерватории им. А.К. Глазунова с директором Академии рукописей г. Кухмо (Финляндия) Пеккой Хутту-Хилтуненом.

² Вне нашего исследовательского поля осталась илишевская группа удмуртов, которая, по замечанию всех исследователей, остается малоизученной по различным причинам. Удмурты, проживающие в Илишевском районе РБ (дд. Князь-Елга, Вотский Менеуз и Ташкичи), территориально находясь на удалении от основной массы местной диаспоры, оказались под сильным тюркским влиянием. Более того, население дд. Князь-Елга и Вотский Менеуз, поддерживая продолжительные тесные контакты и брачные отношения с соседями кряшенами, подверглось с их стороны сильнейшему этнокультурному воздействию [Садилов 2008: 13], что повлекло за собой утрату родного языка, этнического самосознания и причисления себя к кряшенам (крэшин) [Атаманов 2005: 114; Садилов 2019: 282]. В этой связи любопытны высказывания этномузыковеда Г.М. Макарова, преподавателя Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова, который в одном из своих постов в социальной сети «ВКонтакте» под выложенными собственными экспедиционными записями образцов музыкально-песенного творчества удмуртов Илишевского района РБ (дд. Князь-Елга и Вотский Менеуз) отметил, что «местный музыкальный фольклор представляет собой удмуртско-кряшенский симбиоз» [Макаров 2017: электр. ресурс]. Удмуртское самосознание, духовную культуру и родной язык удалось сохранить лишь жителям д. Ташкичи. Исследования этой группы удмуртов требуют отдельного внимания.

Песенная традиция бавлинских удмуртов представлена в сборнике «Песни удмуртов Бавлинского района Республики Татарстан» [Песни удмуртов... 2018]. Как показало данное исследование, бавлинские удмурты в музыкальном отношении представляют песенную традицию, отличную от традиции закамских удмуртов.

Музыкальный фольклор красноуфимских удмуртов, в отличие от бавлинских, еще не был предметом специального исследования, в то время как научные исследования по лингвистике, истории и этнографии показывают сильное влияние соседней марийской культуры на местных удмуртов, утрату родного языка и их постепенную ассимиляцию [Насибуллин 1978: 86–158; Атаманов 2005: 135–136; Напольских 2019]. В связи с вышеупомянутыми обстоятельствами, а также с трудностями в сборе удмуртского материала на текущий момент, данная группа удмуртов не вошла в рамки нашего исследования.